

пребываютъ. И далеко, рече, лучше тѣхъ тобѣ пожаловати и устроити, утешающе ихъ отъ таковыхъ бѣдъ и скорбей, собравше ихъ ко своему царственнѣйшему граду, нежели тѣ обещанія не по разуму исполняти. А бог, рече, вездѣ сый все исполняетъ и всюды зреть недреманнымъ своимъ окомъ...» Но царь не послушался, твердя свое: «ѣхати, да ѣхати ко святому Кирилу».¹

§ 15. На этот раз напоминание об убитом воинстве было вместе с тем заступничеством за вдов и сирот. Здесь мы подходим еще к одной черте взглядов Максима на власть, тесно связанной с основами его миро-созерцания. Исходя из евангельских заветов Христа, Максим Грек был убежден, что милосердие к нищим составляет главный долг человека, неразрывно связанный с любовью к богу и к ближним. Он говорил: «Милость, яже къ нищимъ и яже отъ чистаго сердца къ самому господу и всѣмъ чловѣкомъ любы, то есть все, еже взыскуетъ отъ насъ Христосъ богъ, ихъ же кромѣ вся прочая безъ уснѣха суть: и воздержаніе отъ брашенъ и долги подвиги молитвенніи».² Дух милосердия к нищим и убогим, вдовам и сиротам проникает всю публицистическую деятельность Максима. Он составляет животворящую и зиждущую силу всех его обличений. Поэтому и в вопросе об идеальной власти милосердие к нищим, убогим и заступничество за обидимых возводятся в число важнейших обязанностей царя, и Максим, сказав об отношении царя к духовенству, боярству и воинству, продолжает: «вдовы и сироты, убогія обидимы, да не презрѣши въздыхающа и слезы горькія проливѣюща предъ отцемъ сирыхъ и судією вдовицъ и предстателемъ убогихъ. Не полезно бо твоей державѣ сичево презрѣніе и нерадѣніе, ни что же иво прегрѣшеніе наше толь прогнѣваетъ неисчетную благость вышняго и на отпщеніе обидимымъ воставляетъ его, елико въздыханіе и слезы, писано бо есть святымъ царемъ и пророкомъ Давидомъ: озлобленія ради нищихъ и въздыханія убогихъ нынѣ востану, глаголетъ господь, и прочая».³ Искренняя любовь к обиженным проникала и литературную деятельность Максима и всю его жизнь. Мы знаем неоднократные случаи его заступничества. И еще в царствование Василия III эта деятельная любовь, повидому, навлекла на Максима обвинения. По крайней мере, когда в 1525 г. он был привлечен к суду по делу Берсеня-Беклемишева, ему пришлось оправдываться по поводу какого-то обвинения, текст которого до нас не дошел, но ответ Максима сохранился, и он весьма интересен: «Да Мак-

¹ Сочинения князя Курбского, т. I, стр. 208, 209, СПб., 1914.

² Каз. изд., II, стр. 33.

³ Ibid., II, стр. 353.